

2 октября 85

ОБ ЭКОНОМИИ И БЕРЕЖЛИВОСТИ

ВОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО
БЕЗ СТОИМОСТИ...
ВОДЫ?

Свои размышления о рачительном отношении к такому нашему общему достоянию, как вода, писатель изложил в форме открытого письма министру мелиорации и водного хозяйства СССР товарищу Васильеву Н. Ф.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ Николай Федорович! Вероятно, Вы помните Вашу сравнительно недавнюю встречу и беседу с писателями?

Вы хотели дать писателям разъяснение по некоторым вопросам деятельности министерства. Вопросы с нашей стороны были действительно очень много, но позвольте сегодня сосредоточить Ваше внимание только на одном из них. Это вопрос о цене воды.

Задала Вам его я, и Вы ответили, что цена воды министерством не учитывается, и объяснили это так:

В зависимости от качества почва при поливе одной и той же культуры оросительная норма может составлять и пять тысяч, и пятнадцать тысяч кубометров на га, а это значит, что одному хозяйству за ту же самую операцию придется платить в три раза больше, чем другому. Это — несправедливо, справедливее и проще и тому, и другому хозяйству отпустить воду даром.

Пятнадцать тысяч кубометров на га — эта цифра (увы, реальная) поражает. Такого количества воды за оросительный сезон не удержит в активном слое ни одна почва. Следовательно, добрав половина этой нормы пойдет или на сброс, или на пополнение грунтовых вод, способствуя засолению и заболачиванию земельного фонда (за счет государства?).

Конечно, другие природные богатства тоже теряются, но теряются сами по себе — потери воды сопровождаются еще и потерями земель.

И вообще, на какой же экономической основе ведется водное хозяйство, если вода не имеет цены?

Не выступает ли нередко Минводхоз в роли благодетеля: кому, дескать, нужна бесплатная вода? Иное хозяйство обойдется бы и без орошения, но его настоятельно агитируют: «Не понимаете существенной выгоды!»

Хозяйство экономически слабое (а орошение и при бесплатной воде требует денег) через посредство Минводхоза получает ссуду, однако ссуды, если они не возвращаются вовремя, еще и еще удорожают фактическую стоимость воды.

В той же беседе с писателями Вы не без гордости сказали, что Ваше министерство получает от государства средств больше всех других строительных министерств.

Ну, а сколько оно государству возвращает? Сколько и по какой цене? Если в той же зоне неустойчивого увлажнения урожай орошаемого хозяйства распределить между всеми участниками его получения, а долю мелиоратора соотносить с затратами на строительство, ремонт и эксплуатацию оросительных систем, какой определится эффект? Не окажется ли, что в иных местах водные мелиорации дают меньшую отдачу, чем, скажем, те же удобрения или простейшие мелиорации — ясные, химические, противозерозионные?

Отдача меньшая, а риск потери плодородия почвы уже в ближайшей перспективе самый высокий.

Простейшие мелиорации в расчете на один гектар несравненно дешевле, они не связаны с риском заболачивания, засоления, выщелачивания почв, не влияют отрицательно и на реки, источники питания и приемники сбросных вод, они привлекают большее внимание и средства к нашему земельному фонду в целом, а не толь-

Получается, что сколько ее, воды, изъято у природы, зачем, кому, на какие расстояния и в каком количестве она подается водопотребителям, сколько, ей при этом используется и потеряно безвозвратно, — все эти данные являются, по сути дела, инвестиментными и внешнеэкономическими? А как бы тогда умозрительными?

Но даже если исходить из того, что природная вода не стоит ни копейки, все равно в тот момент, когда она забирается из источника питания, она становится «продукцией». Она приобретает себестоимость за счет эксплуатационных расходов и амортизационных отчислений от стоимости водозаборного сооружения. А далее, протекая через дорогостоящие каналы, регулирующие сооружения, трубопроводы и станции перекачки, да еще и с учетом потерь на испарение, фильтрацию и непредусмотренные утечки, вода приобретает еще большую стоимость.

И опять при отсутствии цены на воду или при ничтожно малой ее цене любой самый фантастический проект перераспределения природных вод окажется рентабельным, поскольку, перегоняем ли мы воду на 3 км или на 3000 км, цена ее остается прежней и равна нулю.

Да, орошение дает прибавку урожая, но вот вопрос — какой ценой?

Нет у нас еще таких же министерств и ведомств, эксплуатирующих природные ресурсы, для которых эти ресурсы не имели бы цены — лес имеет ее уже на лесосеке, и торф имеет, и минеральные удобрения, и другие полезные ископаемые. Почему же вода-то составляет исключение?

Воздух пока не имеет цены, но если мы будем транспортировать воздух, он тоже приобретет цену, и немалую. Без цены наше сельское хозяйство пользуется и землей, но земля хотя бы закреплена за земледельцем навечно, а это ко многому его обязывает; закрепить источники питания за водопользователем невозможно, тем более необходимо, чтобы вода имела цену.

И что же это за особое положение Министерства водного хозяйства, если материал, с которым оно работает, ничего не стоит?

Если так, если водное питание растений обеспечивается бесплатно, тогда, может быть, бесплатно сделать и минеральное питание — отпустить хозяйствам удобрения даром? Потребность почв разных категорий в минеральных удобрениях различается еще больше, чем в оросительной воде за период вегетации, — вот и уравниваем все хозяйства, отменяем цену на удобрения? Ради справедливости и простоты решения вопроса?

Но орошаемое хозяйство — это не только водное хозяйство, орошение мало что даст без удобрений, без сельхозмашии, тракторов и автотранспорта, без затрат на хранение сельхозпродуктов. Значит, партнерство и участие целого ряда министерств тут равно, но почему-то Минводхоз ставит вопрос однозначно: будет вода — будет и урожай, не будет воды — не будет урожая! Думается, что этот тезис потому так настойчиво и так громко заявляется, что его в ряде случаев нужно еще доказывать, в то время как необходимость в удобрениях или в той же сельскохозяйственной технике доказывается уже нет необходимости. Без орошения не может возделываться целый ряд культур, и прежде всего в зоне пустынь, но в зоне неустойчивого увлажнения многие хозяйства и без него получают высокие урожаи, не говоря уже о сравнительной дешевизне их продукции.

ко к поливному зданию. Это очень и очень существенно.

И не потому ли такие показатели, как себестоимость продукции орошения в зоне неустойчивого увлажнения, как строгие затраты на гектар, так «скромное» присутствие, а то и вовсе отсутствие в проектах и всякого рода отчетах и публикациях?

А если этих данных нет, значит, нет и не может быть вариантного проектирования, которое определило бы, куда, в какие именно мелиорации, водные или простейшие, нам наиболее выгодно вкладывать средства? Как выгоднее всего использовать воду, это ничем другим незаменимое государственное имущество?

Кроме всего этого, кроме экономии, здесь вступает в свою полную силу общественно-политический фактор: отпустить потребителю воду бесплатно — значит развращать его.

Всякого рода лимиты на воду, премии за ее экономию, штрафы за перерасход, если они даже и осуществляются, не заменяют категоричности стоимости. Это опять-таки не что иное, как развитие психологии браконьерства: попался на перерасходе воды — плати штраф, не попался — пользуйся сколько угодно бесплатным, а значит, и бесхозным имуществом!

Пятнадцать тысяч кубометров на гектаре! Конечно, нельзя признать вернуться к тому режиму и той технике полива, которые были когда-то, но осуществлять экономии воды необходимо. И чем дальше, тем жестче. А ведь это опять-таки вопрос о цене.

Вот мы удивляемся и недоумеем: «Усыхает Аральское море!» Не при таких расходах воды, при многолетних заморозках не только каналов, но и русел исчезнувших в исторические времена рек удивляться-то, пожалуй, надо другому: каким образом Арал все еще существует?

Но не подумайте ли и о том, что и ныне экономически выгодно сохранить в первозданной чистоте многие и многие озера и реки, целые бассейны? Во многих странах чистую воду уже продают бутылками, а нам, стране с самыми большими ресурсами пресных вод, и торговать-то будет нечем, если у нас сохранится прежние отношение к этому природному богатству.

В бюджете Минводхоза расходы на охрану вод занимают весьма скромное место, а то время как их охрана и улучшение — это ведь тоже мелиорация в ее подлинном смысле, которая к тому же может принести нам немалый доход.

Но и тут возникает вопрос о стоимости воды — разве будет со всей энергией охраняться и улучшаться то, что ничего не стоит, раздается даром?

Октябрьский (1984 г.) Пленум ЦК КПСС наматил вложения в мелиорацию огромных средств, но это вовсе не значит, будто эти средства могут быть использованы так же безотчетно, как и сама вода.

И речь сегодня, глубокоуважаемый Николай Федорович, очевидно, может идти не о том, должна или не должна вода иметь цену, а о том, как скоро, по какой методике и как действительно эта цена будет введена.

И еще: Минводхоз разработал грандиозные водохозяйственные проекты, но каково их экономическое значение и обоснование, если они не учитывают цену воды?

С уважением

Сергей ЗАЛЫГИН,
писатель,
кандидат технических наук

223-036